

Мы и они

Вторая великая война началась. Мы стоим в самом начале ее, и истинные ее очертания еще скрыты от нас в кровавом тумане. Мы не знаем, какое пространство мира она охватит, сколько народов вовлечет в роковой водоворот, не знаем и того, какую массу разрушений она после себя оставит. Пока в ней участвуют всего три великих державы, но она разрастается, как лесной пожар, захватывая и уничтожая, один за другим, малые народы. Нейтральным все труднее сохранять свою нейтральность, да и почти все они, еще не начиная военных действий, уже заняли, за ничтожными исключениями, моральную позицию в великом спорте. Уже теперь можно произвести смотр сил. Военные техники и экономисты ежедневно пытаются подсчитывать баланс материальных и военных средств воюющих сторон. Может быть, умственно и уже возможно подвести духовно-политический баланс. Напрасно некоторые политики и вожди народов еще пытаются скинуть всякие идеологические мотивы со счетов войны. В известном, ограниченном смысле они правы. Ни Франция ни Англия не обнажили бы меча для того, чтобы уничтожить тоталитарную диктатуру в Германии или в любой иной стране. В сознании большинства французов и, впрочем, англичан борьба ведется за существование. На нас нападают, или нападут завтра, как сейчас уже напали на наших союзников, — мы защищаемся. Мы хотим пользоваться благами обеспеченного мира, — Гитлер хочет мирового владычества. Война против завоевателя оправдана, священна, без всяких иных идеологических обоснований. Мы не хотим быть рабами. Слава Богу, в Европе есть еще народы, которые предпочитают смерть рабству. Но даже эта простейшая, прозрачайшая ситуация несет в себе некоторую контрбанду идеологии. Правда ли, что Гитлер стремится к власти над миром, и почему он к ней стремится? Один ли он к ней стремится, воплощая извечные темно-героические потенции германского народа или есть и другие претенденты на мировое господство, носители новых империализмов, помимо Германии? Не находится ли германская экспансия в неразрывной связи с ее националь-социалистическим строем? И не являются ли другие тоталитарные режимы восточной и южной Европы столь же благоприятной почвой для империали-

стической агрессии? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы очутиться цѣпкомъ на почвѣ идеологической дискуссiи.

Лишь неразрѣзность войны, ея территориальная ограниченность мѣшаетъ вполне охватить ея идеологическую сущность. До сихъ поръ одна изъ воюющихъ сторонъ представлена только Германiей. Но съ самыхъ первыхъ дней войны Советская Россiя, официально въ нее не вступая, дѣлаетъ съ Гитлеромъ общее дѣло. Соглашенiе Гитлера со Сталинымъ — въ этомъ едва ли уже можетъ быть сомнѣнiе — вызвало и самую войну. Не ввязываясь въ войну съ великими державами, Сталинъ уже дѣлитъ съ Гитлеромъ добычу — въ Польшѣ, въ Прибалтикѣ, въ Финляндiи. Напротивъ, Италiя, участiе которой въ войнѣ было обѣщано и закрѣплено торжественными договорами, въ рѣшительный моментъ уклонилась. Благоуразумiе и эгоизмъ заставляютъ ее предпочесть безопасный нейтралитетъ страшному риску войны. Мы можемъ только желать, чтобы этотъ нейтралитетъ сохранялся ею и дальше. Национальный эгоизмъ, страхъ, нестрое сплетенiе интересовъ мѣшаютъ до конца выявиться идеологическому стержню войны. Такъ Сѣверная Америка, при всемъ своемъ сочувствii дѣлу союзниковъ и даже матеріальной помощи имъ, предпочитаетъ уклоняться отъ прямого участiя. Таково же положенiе большинства нейтральныхъ демократiй въ Европѣ. Гитлеръ можетъ рассчитывать на сочувствiе тоталитарныхъ и полутоталитарныхъ режимовъ Восточной и Южной Европы. Однако союзъ со Сталинымъ, съ общимъ прагомъ вчерашняго дня, глубоко противенъ политической совѣсти Италii, Испанii, другихъ диктатуръ. Несмотря на все сближенiе коммунистической и нацистской идеологii, коммунизмъ и фашизмъ не могутъ забыть вчерашнихъ битвъ. Тоталитарный лагерь, къ счастью, не представляетъ монолитнаго единства. Трещины, проходящiя въ немъ, происходятъ или отъ неполнаго сходства идеологii, или отъ различiя империалистическихъ интересовъ. Италiя вообще, какъ по своей идеологii, такъ и по государственному строю, занимаетъ промежуточное мѣсто между тоталитарными и демократическими народами. Но не различiе интересовъ и идеологii, а страхъ войны, страхъ за собственное существованiе мѣшаютъ до сихъ поръ демократическому мiру объединиться въ твердый, анти-тоталитарный блокъ. И тѣмъ не менѣе моральное раздѣленiе мiра уже совершившiйся фактъ. Въ побѣдѣ той или другой стороны заинтересованы всѣ. Возможно, что эта побѣда наступитъ ранѣе, чѣмъ нейтральные нынѣ народы вынуждены будутъ опредѣлить свое мѣсто въ борьбѣ. Если война затянется,

это вряд ли для кого-либо будет возможно. Вот почему уже сейчас, в оцѣнкѣ воюющихъ ставокъ, мы можемъ мыслить за англо-французской коалиціей длинный рядъ европейскихъ и заокеанскихъ демократій, а за Германіей, уже съ нѣскольکو меньшей опредѣленностью, рядъ диктатуръ восточной и южной Европы. Демократіи прогнѣвъ тоталитарныхъ диктатуръ — таковъ первый бросающійся въ глаза идеологическій фронтъ. Но въ наше время демократіи, тоталитарныя диктатуры это не только политическій строй и міросозерцаніе, это совершенно разныя общества, съ разной моралью, съ разнымъ бытомъ, съ разнымъ хозяйствомъ. Въ настоящей борьбѣ противопоставляются другъ другу не только политическія системы, но и социальныя формы и духовныя міры. Чрезвычайно важно приглядѣться ближе къ конкретному и сложному содержанию понятій, покрываемыхъ ярлыками демократіи или тоталитаризма. Почти всегда бываетъ, что гораздо важнѣ сознательныхъ, рациональныхъ цѣлей стоящихъ за ними цѣлостности, за идеями — личности. Прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, за что ведется война, нужно ясно видѣть, кто ведетъ войну.

1.

Слово «демократія», которымъ пользуются всѣ для характеристики одной изъ воюющихъ сторонъ, способно вводить въ заблужденіе. Если подъ демократіей понимать власть низшихъ слоевъ народа, то Сталинъ и Муссолини по своему праву, называя демократіей свои тираническіе режимы. Къ нимъ могъ бы присоединиться и Гитлеръ. Народныя массы, оторвавшіяся отъ культурной элиты, выражающія свою волю, свою ярость или свои вождельнія въ непосредственномъ дѣйствіи — въ бунтѣ, погромѣ и классовомъ террорѣ, неизбѣжно оказываются въ рабствѣ у своихъ вожаковъ. На такой «демократической» основѣ выросли многочисленныя тираніи древняго и новаго міра.

Для строя западной и сѣверной Европы существенна не столько власть народа (которая, дѣйствительно, осуществляется въ немъ, но опосредствованнымъ, представительнымъ путемъ), существенны свобода и право, проникающія всѣ поры жизни. Эта свобода и это право созданы не народомъ (не массами); они создавались въ теченіе вѣковъ аристократіей и буржуазіей для собственнаго употребленія, и въ послѣднія поколѣнія переданы всему народу, приобщившемуся къ наслѣдію тысячелѣтней культуры. Было время, еще недавнее, когда въ мірѣ существовали аристократіи и монархіи, въ чистомъ или смѣшанномъ видѣ. Теперь ихъ нѣтъ нигдѣ. Различія между монар-

хической и республиканской формой правления потеряли свое значение. Аристократія не сохранила никакихъ политическихъ правъ. Но настѣдѣе монархіи и аристократіи, лучшее, что создано ими въ политической культурѣ, живель въ томъ, что нынѣ называется демократіей. Нынѣшняя демократія — единственная существующая форма правового государства. Древніе греки называли это благо, всю цѣнность котораго мы лишь теперь осмыслили, благозаконіемъ. Въ сущности, право и законъ теперь существуютъ лишь въ демократіи. За предѣлами ихъ начинается царство произвола, деспотическаго каприза или «революціоннаго правотворчества».

Въ отличіе отъ античнаго благозаконія, новая демократія, — христіанская по своему происхожденію — покоится на свободѣ личности. Здѣсь не лицо существуетъ для государства, а государство для лица и для творимой національной общностью лицъ культуры. Государство въ демократіи вторичное, служебное начало, признающее надъ собою верховную власть иныхъ (хотя теперь и затемненныхъ въ сознаніи) цѣнностей. Эти цѣнности были некогда духовными цѣнностями. Онѣ еще не совсѣмъ испарились изъ жизни этихъ народовъ. Вотъ почему здѣсь легче дышать. Вѣрнѣе, только здѣсь еще и можно дышать.

Опредѣливши такъ демократію, мы уже дали опредѣленіе тоталитаризма. Здѣсь свобода отрицается въ самомъ принципѣ. Нѣтъ болѣе позорнаго слова въ странахъ новой тиранин, чѣмъ либерализмъ. Ни права, ни закона, ни личности. Человѣкъ ничто, Государство (общество, нація, раса, классъ) — все. Это государство черезъ посредство промежуточныхъ урваней (въ Россіи) или непосредственно (Германія) отождествляется съ Вождемъ. Вождь ничѣмъ не ограниченъ въ своей волѣ, но онъ править именемъ массъ и живетъ еще не порванной (съ революціонныхъ лѣтъ) связью съ ними. Отъ нихъ къ нему и отъ него къ нимъ (менѣе всего въ Россіи) исходятъ волевые токи, которые сообщаютъ страшный динамизмъ этому государству. Въ отличіе отъ старыхъ тиранин, вождь не можетъ шагу ступить, не приводя въ движеніе массы. Демагогія есть основа этихъ режимовъ, суррогатъ ихъ религіи. Демагогическое дѣйство принимаетъ характеръ культа. Вся соблазнительность, все обаяніе тоталитаризма — въ этомъ лжерелигіозномъ чувствѣ сверхиндивидуальной воли, спаивающей личности, вѣрнѣе, обезличеннаго стада.

Для слабыхъ людей можетъ быть привлекательно сліяніе съ толпой, зараженіе массовыми чувствами, маршировка подъ

музыку, крики ура! или «гейль»! и особенно акты коллективного насилия. Здесь слабость находит ложное сознание своей силы. Политика становится эротическим извращением, общественность — самоубийством личности. Лишь последнее огорчение, расправа всех святинь, которыми жил человек, может толкнуть его на этот акт отчаяния (Германия), если это не является выражением примитивизма стадного, восточного типа (Россия). Государство (или вождь) общается массам, создает для них новую религию, новую мораль, новую истину. Оно создает целую систему эрзацев, желѣзных или бумажных хлѣбовъ, но одного оно не создает и, кажется, не общается: человечности. Рожденное въ преступлении, оно продолжает жить преступлениемъ. «Вождь» воплощаетъ въ себѣ самый низкій типъ современнаго человѣка: смышленнаго и хищнаго, узколобаго и мускулистаго звѣря.

2.

Но демократіи — страны лишь «формальной» свободы. Экономически онѣ представляютъ область капитализма, капиталистической эксплоатации. Фашизмъ въ разныхъ видахъ и формахъ уничтожаетъ классовое общество и создаетъ государственное хозяйство, — если угодно, социализмъ. Борьба идетъ между капитализмомъ и социализмомъ, — таковъ новый лозунгъ, брошенный Берлиномъ и Москвой. Нужно признаться, что онѣ находятъ себѣ откликъ кое-гдѣ въ рабочей средѣ среди демократическихъ странъ. Здесь, во всякомъ случаѣ, нащупывается ихъ наиболѣе слабое мѣсто.

Я не оспариваю, что хозяйственный режимъ тоталитарныхъ странъ, Германіи и Россіи, можетъ быть названъ социалистическимъ. Что же, социализмы могутъ быть разные. Когда-то принципиальные враги социализма, Гербертъ Спенсеръ, Рихтеръ и столько другихъ рисовали социализмъ какъ «грядущее рабство». Такой именно социализмъ, или карикатуру на него, дѣйствительно осуществили тоталитарныя государства. Классовыя различія, если не совсѣмъ исчезли, то сильно сглазились. Общество нивелировалось, орабочилось; оно и именуетъ себя «рабочимъ», доставивъ пролетарію моральное удовлетвореніе: вчера онѣ былъ послѣднимъ, сегодня становится «мѣрой вещей». Его матеріальное положеніе не улучшилось, скорѣе ухудшилось, но оно стало обезпеченнѣе. А главное, онѣ видитъ вокругъ себя общее пониженіе уровня, его не давить въ такой мѣрѣ роскошь богатыхъ, и, потерявъ все свои личныя и коллективныя права, онѣ можетъ утѣшаться, видя вокругъ себя

всеобщее рабство. Только это низменное удовлетвореніе — равенство въ рабствѣ — объясняетъ все еще не изжитую покорность рабочихъ слоевъ въ тоталитарныхъ обществахъ.

Противъ такого рабочаго социализма — демократическій капитализмъ. Будемъ ли мы защищать его? Не слѣдуетъ поддаваться этому искушенію и смягчать существующее зло. Что капитализмъ со всѣми своими безобразіями много лучше тоталитарнаго социализма, въ этомъ легко убѣдиться. Для этого достаточно представить себѣ, что всякій недovolный капиталистическимъ строемъ можетъ сразу же перемѣнить его на тоталитарный. Стоитъ ему только совершить легкое преступленіе и попасть въ тюрьму: здѣсь онъ найдетъ и обезпеченный, полуголодный паекъ и равенство безправія. Но бросимъ горькія шутки. Капитализмъ лучше государственной тюрьмы, но это не дѣлаетъ его привлекательнымъ. Вѣдь, это ичелно онъ создаетъ миражъ привлекательности для тюремъ, отдѣленныхъ политическими границами и декорированныхъ флагами, плакатами и пышными лозунгами.

О капитализмѣ слѣдуетъ сказать вотъ что. Это очень сложный, двусмысленный и многоликій строй, который непрестанно мѣняется въ своей исторіи. О двойномъ, положительномъ и отрицательномъ его смыслѣ писалъ еще Марксъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ». За сто съ небольшимъ лѣтъ его существованія положеніе рабочаго класса и самыя основы хозяйственной жизни радикально измѣнились. Нѣтъ ничего общаго между уровнемъ жизни современнаго англійскаго рабочаго и тѣмъ, который описывалъ Энгельсъ въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Рабочее законодательство, охрана труда, вообще бытовья условія жизни и работы въ капиталистическихъ странахъ, конечно, не хуже, а лучше странъ фашистскаго социализма. Но остается необезпеченность, остаются кризисы, остается огроное неравенство состояній и культуры, которое болѣе всего раздражаетъ и озлобляетъ.

Менѣе, чѣмъ когда-либо, современный капитализмъ отличается устойчивостью и косностью. Онъ давно уже утратилъ свои классическіе принципы, свою чистую совѣсть, и вступилъ въ полосу трансформаций, въ ходѣ которыхъ онъ неизбѣжно перерождается въ совершенно новый общественный строй. Вѣкъ экономическаго либерализма ушелъ безвозвратно. Нигдѣ уже законъ конкуренціи, стихія рынка не опредѣляетъ всецѣло, и даже преимущественно хозяйственной жизни. Государство и общество, въ лицѣ картелей и синдикатовъ, давно уже вступили на путь регулированія экономической жизни. За послѣд-

ніе годы, даже въ такихъ классическихъ странахъ либерализма, какъ Франція, границы хозяйственной свободы и борьбы необычайно сузились. Въ нѣкоторыхъ странахъ (Америка) борьба за новый хозяйственный строй ведется съ большой остротой, и притомъ не снизу, а сверху, возглавляемая президентомъ республики. Безъ видимой борьбы, втихомолку, Швеція (отчасти другія скандинавскія страны) практически строятъ социализмъ и добились успѣховъ, которые вызвали бы зависть въ пролетаріяхъ всѣхъ странъ, если бы имъ дѣлалась хотя десятая доля той рекламы, которая окружаетъ достижения тоталитарныхъ государствъ. Въ Англіи, гдѣ нѣтъ рѣзкихъ и замѣтныхъ сдвиговъ, имѣется налицо огромный ростъ социального сознанія, тотъ религіозно-моральный капиталъ жертвенности, готовности къ самоограниченію, который въ любой моментъ можетъ актуализироваться въ давно назрѣвшей перестройкѣ.

Капиталистическія демократіи доживаютъ послѣдніе дни капитализма. Онѣ чреваты новымъ социальнымъ строемъ — назовемъ его хотя бы свободнымъ социализмомъ — рождение котораго, къ сожалѣнію, замедлено военной тревогой, застигнутой войной въ разныхъ фазахъ для разныхъ странъ, и рѣзко оборвано. Страны тоталитарныя уже разрѣшились отъ бремени мертворожденнымъ младенцемъ. Младенецъ, къ сожалѣнію, не совсѣмъ мертвый: онъ живетъ и можетъ чахнуть долго, но это дитя должно приводить въ ужасъ всѣхъ чаявшихъ и чающихъ новой жизни. Вотъ почему невѣрно противопоставлять тоталитарный социализмъ демократическому капитализму. Демократія несетъ въ себѣ не только капиталистическое прошлое, но и подлинное, т. е. свободное социалистическое будущее, убитое до рожденія и безнадежно въ тоталитарномъ рабствѣ.

3.

Капитализмъ демократій имѣетъ еще другой аспектъ: интернациональный. Эти богатія страны старой культуры оказываются лучше другихъ надѣленными колониальными территориями. Впрочемъ естественно, что, ранѣе другихъ вступивъ на путь колониальной политики, онѣ болѣе другихъ преуспѣли въ раздѣлѣ міра. Въ концѣ XIX столѣтія этотъ раздѣлъ, въ основныхъ чертахъ, уже завершился. Для поздно пришедшихъ, Германіи, Италіи, остались кости, въ видѣ клочковъ африканскихъ пустынь. Но опоздавшіе на пиръ обладаютъ большимъ аппетитомъ, мощнымъ «динамизмомъ», который экономически подерживается быстрымъ ростомъ индустріи и ея борьбой за

рынки сырья и сбыта. Въ этомъ, несомнѣнно, заключается, одинъ (но не главный) изъ нервовъ мiровой войны, выступавшій еще сильнѣе въ войну 1914-18 гг. На языкъ нацизма и фашизма это называется борьбой «пролетарскихъ народовъ» противъ либеральныхъ плутократiй. Лозунгъ очень заразительный, дѣйствующій на многихъ. Здѣсь нападающіе становятся въ позу борцовъ за право: захватническія войны принимаютъ видъ революціонной борьбы бѣдныхъ противъ богатыхъ.

Правда, эта бѣдность очень относительная. Въ Германiи, напр., заработная плата рабочаго была лишь немногичъ ниже, чѣмъ во Франціи; болѣе скудное, или менѣе обильное питаніе возмѣшалось техническимъ комфортомъ въ жизненной обстановкѣ. Роскошь общественныхъ зданій въ Германiи и новой Италiи, огромныя затраты на оборудованіе промышленности поражаютъ по сравненію съ суровой бережливостью, отказомъ себѣ даже въ необходимомъ, какіе мы видимъ въ послѣвоенной Франціи. Съ другой стороны, этотъ тоталитарный пролетарiй оказывается вооруженнымъ до зубовъ солдатомъ со всѣми традиціями юнкерскаго класса, и чиняая антитеза бѣднаго и богатаго перекидывается въ другую: Римъ и Карфагенъ, «булать и золото». «Все возьму» противопоставляется «все куплю». То, что остается реальнымъ въ этой антитезѣ, это противостояніе двухъ империализмовъ: стараго, уже насытившагося, и новаго, стремящагося къ добычѣ.

Но сказать это, значитъ еще сказать очень мало.

За четыреста лѣтъ колониальной политики европейскій империализмъ (западный) радикально переродился. Нѣкогда Кортезъ истреблялъ сотнями тысячъ всѣхъ ацтековъ въ только что открытой Америкѣ. Потомъ, въ теченіе столѣтій, торговали рабами, какъ скотомъ. И сейчасъ отношеніе европейцевъ къ туземцамъ въ колонiяхъ далеко не идиллія. Но рабства уже нѣтъ. И, главное, за послѣднія десятилѣтія выросло сознаніе, что колонiи оправдываются не эксплоатаціей ихъ, а культурнымъ воспитаніемъ. Уже понимаютъ, что эти владѣнія исторически временны, до совершеннolѣтія остальныхъ народовъ. Въ сущности, система мандатовъ, временныхъ управленій, выражаетъ точно нравственное отношеніе западнаго человѣка къ его цвѣтнымъ подданнымъ (или согражданамъ). На нашихъ глазахъ, въ нѣсколько лѣтъ, произошла совершенная революція въ отношеніяхъ между бѣлой и цвѣтными расами. Уже цвѣтные сидятъ въ Лигѣ Наций, цвѣтные имѣютъ свою интеллигенцію, цвѣтные умѣютъ обращаться съ оружіемъ. Ихъ равноправіе тамъ, гдѣ оно еще не достигнуто, вопросъ немногихъ лѣтъ.

Былыя імперіі перерождаюцца ў союзы народаў. Англія ўказывае для ўсёх напраўленіе пути. Сваю імперію яна ствалава праўдамі і няпраўдамі, как і ўсё. Но за послѣдніе полѣтка яе «домініоны», владѣніі, населеныя англо-саксамі, прывраціліся ў самастойныя дзяржавы. Почти на днях Англія прызнала незалежнасць Ірландыі (чуждае, вораждебная народнасць), Егіпта і прыступіла да самаўправлення Індыі. Рэформы послѣдніх лѣтъ ў Індыі (уже існуюць індыйскі парламент, туземныя міністры і чыноўніцтва) прымірылі са імперіяй многіх з іх ажесточаных ворагоў.

Не слѣдуе, конечно, впадать ў ідэалізацыю. Многа яшчэ грѣхов у саўвѣсці Еўропы протыв ся цвѣтных братаў. Но яе пакаяніе несомнѣнна. Несомнѣнна новыя тэндэнцыі жыцця, абшчаюція блізкае рѣшэнне «калоніяльнага ворага».

Что же абшчае пралетарскі перадѣл міра? Обь этомь мы можем судыі і по недаўнны захватамь ў Афрыкѣ і яшчэ болѣе по средне-европейскімь подвигахь. Если абрашаюць ў рабовь славянь, чего же ождатъ для чернокожихь? Нельзя игнорыровать, конечно, серъезную эканомическую сторону колоніяльнай праблемы: междунардное распрѣдѣленіе сыръя. Надѣмся, что будучая федератывная Еуропа наядетъ соотвѣтствующее рѣшэнне этой праблемы. Но мы должны строга отличать отъ нея праблему колоній і колоніяльных імперій. Въздъ, колоній прѣжде всего люди, цвѣтные люди, а не сыръе. И ворагъ о судьбѣ этихь людей і ихь отношеній къ бѣлой расѣ долженъ стоять на первомь планѣ. Съ безошадностью, отрѣшенной отъ всякихь остатковъ хрыціанской челоўчюности, юнкерь-пролетарій грозыі істребыі цѣлыя расы ілі обрратыі іхъ ў навозъ для своей (уже загубленной) культуры. Новѣйшая система взымоотношеній между «перодовычмі» і «отсталычмі» расами возвращае насъ даке не къ Римской імперіі, а къ Ассырійской. Возстановлены, кстаты, переселенія (Вавылонскій плѣнь) цѣлыхь народоў. А чѣмъ грозыі ў будущемъ эта система?

Если цвѣтные не будуць цѣлыкомь істреблены, ў резульатѣ колоніяльнага перераспрѣдѣленія, а только обрращены ў рабство, — какой взрывъ ненавсты сулыі это ў блызкомь будущемъ, і какъ прыдетъ расплачываться всей бѣлой расѣ, ў годы ея слабости і междоусобій! Уже не наивныі дыкаръ будеть стоять прѣдъ нею, но дыкаръ, вооруженныі по послѣднему слову техники і укрьпывшыі свой перлобытныі «этось» научіо-ныгылістическымъ «логосомъ» бѣлага фашызма.

4.

Пропасть между социально-политическимъ строемъ воюющихъ народовъ соотвѣтствуетъ не менѣе глубокой, раздѣляющей ихъ духовные міры, строй ихъ культуры. Какъ странно и больно вообразить себѣ, что еще четверть вѣка тому назадъ Европа жила единой и цѣльной жизнью, въ полномъ общеніи мысли, искусства, практическихъ идеаловъ. Вопреки той дичи, которая болтается теперь о «вѣчной» латинской культурѣ, «вѣчномъ» германизмѣ или славинизмѣ, наша культура была европейской, единой, въ которую каждая нація вкладывалась своимъ особымъ опытомъ и творческимъ даромъ. Какъ далеки эти дни!

Тоталитарная революція вырыла ровъ между вчерашними братьями. По одну сторону остались народы культурнаго либерализма, по другую — принудительнаго монизма.

Міръ демократіи — это міръ почти абсолютной духовной свободы, для мысли, искусства, религіи. Блага этой свободы ощущаются каждымъ изъ насъ, испытавшимъ, что значить ея лишеніе. Есть одна сфера культуры, которая безъ нея положительно умираетъ: это наука. Въ наши дни научная мысль живетъ по настоящему лишь у народовъ демократіи. Въ нѣсколько меньшей, но все въ большой мѣрѣ это относится и къ литературѣ, къ искусству вообще. Вся культурная жизнь подавлена, извращена или убита въ странахъ тоталитарныхъ. Однако, слѣдуетъ серьезно считаться съ той критикой этой культуры и этой свободы, которая раздается изъ вражескаго лагеря, тѣмъ болѣе, что эта критика давно уже раздѣляется мыслящими людьми въ странахъ свободы.

Въ двухъ словахъ: эта свобода безцѣльна, и эта культура не имѣетъ своего центра. Духовное благополучіе, увѣренность въ себѣ, отличавшія XIX вѣкъ, потеряны безвозвратно. Уживавшіяся въ нечѣй тенденціи далеко разошлись и вступили нынѣ въ непримиримое столкновение. Сейчасъ кажутся немислимы ни общая религія, ни общая философія, ни даже общія основы научнаго знанія. Стиль въ искусствѣ утерянъ еще ранѣе, чѣмъ въ наукѣ. При такихъ условіяхъ культура все болѣе разбивается на отдѣльныя секты, научныя, художественныя, религіозныя, почти закрытыя для взаимообшенія. Возрожденіе церковнаго христіанства происходитъ одновременно съ возрастаніемъ атеизма и антирелигіозной борьбы. Всевозможныя мистическія теченія, оккультныя школы и просто грубѣйшія суевѣрія возрождаются параллельно съ успѣхами материализма

въ сознаниі народныхъ массъ. Больше, чѣмъ когда-либо, западная культура напoчинаетъ вавилонское смѣшеніе языковъ. Находятся люди, которые готовы принципиально утверждать это смѣшеніе, какъ духовную основу демократіи. Они называютъ его релятивизмомъ. Справедливая мысль о релятивизмѣ (нейтральности) государства переносится въ сферу самой духовной культуры, которая разрушается ею безъ остатка. Если бы такое умонастроеніе стало господствующимъ, это свидѣтельствовало бы о безнадежности болѣзни, объ истощеніи творческихъ силъ. На самомъ дѣлѣ, релятивизмъ это уходящая, изжитая установка. Нашъ міръ жаждетъ цѣльности, жаждетъ истины. Онъ вступилъ въ полосу духовнаго броженія, и не успокоится, пока не обрѣтетъ объединяющаго начала жизни. Борьба за догматъ болѣе характерна для всѣхъ — даже безрелигіозныхъ — теченій современности, чѣмъ классической догматизмъ конца прошлаго вѣка. Это особенно бросается въ глаза при сравненіи молодыхъ поколѣній со стариками. Нѣтъ, культура Запада не умираетъ отъ атоніи подобно римской. Творческихъ силъ еще достаточно. Имъ не хватаетъ лишь ориентировки, «общей чѣры», т. е. условій культурнаго общенія.

Духовный міръ фашизма - нацизма - коммунизма есть прямой отвѣтъ на вопрошаніе гуманистической свободы. Ложный отвѣтъ, но отвѣтъ. Это значитъ, что фашизмъ прямо порожденъ недугомъ гуманизма. Онъ хочетъ быть его исцѣленіемъ, но на дѣлѣ является послѣдней, смертельной фазой болѣзни.

Фашизмъ отвѣчаетъ на потребность въ единомъ центрѣ жизни. Но, безсильный найти этотъ центръ, достаточно глубокой, чтобы примирить противорѣчія нашей сложной культуры, фашизмъ беретъ первую попавшуюся идею или идейку, часто уже выброшенную въ мусорный ящикъ исторіи, чтобы сдѣлать изъ нея духовный стержень жизни. Чѣмъ уже, бѣднѣе идея (классъ, раса), тѣмъ насильственнѣе построеніе. Чтобы достигнуть цѣльности, приходится удалять огромные пласты культуры, въ ней не вмѣщающіеся. Дѣйствительность говоритъ намъ, что и въ Германіи и въ Россіи эти обреченные и хирургически удаленные элементы количественно превосходятъ то, что сохраняется для новой постройки. И въ то же время истребляемое принадлежитъ къ лучшему и къ цѣннѣйшему, сохраняется часто послѣдняя дрянь. Почему именно дрянь, станетъ понятнымъ, если вспомнить, что въ этихъ странахъ культура опредѣляется потребностями низовъ, уже развращенныхъ и обездушенныхъ развитіемъ капитализма и еще не приобщившихся къ высокой, хотя бы буржуазной культурѣ. Изъ этихъ потонковъ

выходятъ и сами обожествляемые вожди. Не удивительно, что въ результатъ «строительства» новыхъ культуръ ампутируются не только члены старыхъ, но и самыя головы. Другими словами, совершается духовно-культурное самоубійство. Въ Россіи убита русская культура, въ Германіи — нѣмецкая, въ Италіи, хотя и въ меньшей мѣрѣ, убивается культура итальянская.

Нѣкоторое время мы могли обманываться, думая, что новыя культурныя формы идутъ на смѣну старыхъ. Никакая культура не можетъ взойти на такихъ дрожжахъ. Исчезновение остальныхъ элементовъ ея, пощаженныхъ хирургомъ-коноваломъ (техника, естествознаніе), вопросъ времени. Если въ мірѣ уцѣлѣютъ 'одни тоталитарныя общества, всеобщая варваризація станетъ неизбежной. И пусть не ссылаются на примѣры Византіи, Китая, Египта и другихъ тоталитарныхъ культуръ древности. Тѣ великія культуры расцвѣтали на органической и глубокой цѣльности, данной въ народной религіи, въ естественно выросшемъ міросозерцаніи. На суррогатахъ, на эрзацахъ не вырастятъ ни цѣльности ни жизни. Строеііе новой тоталитарности направляютъ механично. Здѣсь направляющія идеи выдѣлываются въ партійныхъ комитетахъ и осуществляются методами полиціи. Насиліе нерѣдко бывало въ исторіи повивальной бабкой (по Марксу); никогда оно не замѣняло творческаго зачатія. Безъ отца, безъ матери, въ регортѣ создается гомункулъ, который чихнетъ нѣсколько лѣтъ (подобно куриному сердцу въ лабораторіи), и умираетъ.

5.

Съ течей духовной культуры тѣсно связанъ вопросъ о христіанствѣ. Въ какой мѣрѣ демократіи защищаютъ христіанство или имѣютъ право именовать свою культуру христіанской? Христіанство гонимо въ тоталитарномъ строѣ, который хочетъ вытѣснить его своей, наспѣхъ сфабрикованной государственной религіей. Это безспорно. Въ Италіи, послѣ перваго столкновения съ церковью, Муссолини занялъ утилитарно-покровительственную позицію по отношенію къ ней. Онъ хочетъ сдѣлать Римскую церковь (которая, по его словамъ, спасла міръ отъ «еврейскаго христіанства») орудіемъ своей диктатуры, и худшіе элементы католичества идутъ ему навстрѣчу. Духовно и въ Италіи между христіанствомъ и фашистской религіей государства нѣтъ ничего общаго.

Ну, а демократіи? Характеризуя ихъ культуру, какъ вавилонское смѣшеніе, не выносимъ ли мы имъ, съ точки зрѣнія христіанства, самаго жестокаго приговора? Отношеніе западнаго культурнаго міра къ христіанству весьма сложно.

Если говорить о мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ большинства, то окажется, пожалуй, что христіане вездѣ составляютъ меньшинство въ современномъ мірѣ. Но религіозное вліяніе не исчерпывается конфессіональной принадлежностью и сознательной вѣрой. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нравственныя понятія и основныя жизненныя идеи большинства невѣрующихъ и даже враждебныхъ христіанству людей — христіанскаго происхожденія. Сюда относится прежде всего уваженіе къ личности и ея достоинству, состраданіе къ человѣку и идеаль вселенскаго общенія. Ничше былъ правъ, какъ правъ и Гитлеръ, объединяя въ своей ненависти христіанство и этику демократіи. Отсюда встрѣча Рузвельта и папы Пія XII въ одинаковой оцѣнкѣ состоянія міра, къ которой присоединяется и Даладе, наслѣдникъ «лаической» традиціи лѣвой Франціи.

Второе, о чемъ у насъ обыкновенно забываютъ, или чего не знаютъ, это сравнительная сила христіанской традиціи, даже въ конфессіонально-церковной формѣ, въ протестантскихъ и англо-саксонскихъ странахъ. Забываютъ о томъ, что Гладстонъ былъ прежде всего теологомъ, и что эта традиція не совсѣмъ умерла въ англійской общественной жизни, гдѣ многіе изъ вождей рабочей партіи вышли изъ протестантскихъ проповѣдниковъ. Рузвельтъ сознательный и искренній христіанинъ, какъ и лордъ Галифаксъ. Демократическіе учрежденія и идеалы, какъ ихъ понимаетъ англо-саксонскій міръ въ значительной мѣрѣ являются созданіемъ христіанскаго разума и совѣсти.

И, наконецъ, третье. Въ хаосѣ современныхъ теченій, оспаривающихъ вліяніе на духовную жизнь, и притомъ не какъ доживающая почтенная традиція, а какъ динамическая сила, современнѣйшая среди современныхъ, все явственнѣе выступаетъ христіанство. Его вліяніе все возрастаетъ, какъ на молодежь, рабочую и студенческую, такъ и на культурную элиту. Никогда еще, за два послѣднихъ столѣтія, католическая интеллигенція не опредѣляла въ такой мѣрѣ культурной жизни Франціи, какъ въ наши дни. И это возрожденіе христіанства не имѣетъ ничего общаго съ реакціей. Конечно, традиционалисты еще преобладаютъ во всѣхъ исповѣданіяхъ. Но культурное водительство принадлежитъ не имъ. Христіанская элита, какъ и христіанская молодежь, выступаютъ не во имя сохраненія, но во имя строительства новаго міра и притомъ на основахъ одинаково далекихъ отъ духовно-буржуазной анархіи и отъ фашистскаго тоталитаризма. Скажу болѣе. Ненависть къ тоталитаризму, какъ и всякія другія ненависти, раздѣляется очень широко и самыми различными общественными кругами. Но

въ положительномъ, въ творческомъ преодолѣніи тоталитаризма христіанскимъ силамъ принадлежитъ первое мѣсто. Въ этомъ главное основаніе для надеждъ на благополучный исходъ духовнаго и соціального кризиса демократіи.

6.

Для огромнаго большинства демократовъ и социалистовъ тоталитаризмъ есть воплощенная реакція: онъ отрицаетъ всё предпосылки, которыми жила революціонная мысль XIX вѣка. Самъ тоталитаризмъ однако имснуетъ себя революціонной силой. Во всѣхъ странахъ онъ пришелъ къ власти путемъ революціи, и лозунги, которыми онъ велъ за собой массы, обѣщали революціонную ломку и строительство новой жизни. Для коммунизма это самоочевидно. Его происхождение изъ лѣваго крыла социализма настолько памятно, что до сихъ поръ многіе отказываются видѣть за революціонной маской его подлинное лицо. Но столь же несомнѣнна рволюціонная искренность Гитлера: онъ строитъ новый міръ, а не поддерживаетъ старый. Столпы этого міра, монархисты, клерикалы, ему ненавистны почти такъ же, какъ и либерально-еврейская интеллигенція.

Идеологи тоталитаризма любятъ противопоставлять свои народы какъ передовые, полные силъ и энергіи, консервативнымъ и одряхлѣвшимъ обществамъ демократій. Для нихъ демократія — *ancien régime*, противъ котораго они, новые революціонеры, повели борьбу не на жизнь, а на смерть.

Какая доля правды заключается въ этомъ самосознаніи?

Думается, въ историко-эволюціонномъ ряду тоталитаризмъ, дѣйствительно, опережаетъ демократію. Онъ впереди, а не позади ея, въ чисто исторической послѣдовательности. Онъ изъ нея вырастаетъ, ея недугами питается, ей идетъ на смѣну. Но, смѣняя ее, онъ рѣзко обрываетъ всю линію ея развитія за послѣдніе вѣка.

Если рассматривать эволюцію нашей эпохи, какъ прямолинейное движеніе, по типу стараго «прогресса», то тоталитаризмъ — это обогнавшая насъ тройка по дорогѣ, ведущей прямикомъ на край пропасти. Онъ уже свалился въ нее, а мы лишь къ ней приближаемся. Въ такой передовитости нѣтъ ничего цѣннаго.

Въ эпоху, когда культура склоняется къ упадку, все болѣе передовое, болѣе юное ближе къ варварству и гибели. Если смотрѣть на нашу культуру, какъ на изжившую себя (глазами Шпенглера), то прогрессъ окажется цѣнностно-обратнымъ, и консерватизмъ тогда — единственно возможная культурная и нравственная позиція: защита святыни, хотя бы безнадежная.

На самомъ дѣлѣ, какъ мы уже видѣли, о прямолинейности движенія не приходится говорить. Европейское общество живетъ въ бореніи, въ сложномъ взаимодействіи силъ. Одно умираетъ, другое рождается. Если взять упадочную линію, соглъ явно обозначающуюся, бросающуюся въ глаза со времени послѣдней войны, то эта линія прямымъ путемъ идетъ къ тоталитаризму. Здѣсь насъ поджидаютъ коммунисты и кагуляры разныхъ мастей, какъ мнимые строители и реальные могильщики. Наша надежда въ томъ, что, помимо одной, пускай, столобовой дороги, ведущей въ пропасть, есть и другіе пути, скрытые среди травы и камней, расчистить которые и даже разглядѣть — нелегкій трудъ.

Возвращаясь къ динамизму тоталитарныхъ народовъ, чаще всего мы видимъ, что этотъ взрывъ разрушительныхъ энергій оказывается пароксизмомъ болѣзни, подобно жару и бреду сыпнотифознаго. Быть можетъ, это послѣдняя вспышка жизненныхъ силъ передъ концомъ, подобно вспыхнувшему пламени догорающей свѣчи. Три великихъ тоталитарныхъ народа находятся не въ одинаковыхъ условіяхъ по отношенію къ культурно-творческимъ силамъ. Россія переживала передъ революціей творческой подъемъ, но подъемъ во многомъ нездоровый: во всякомъ случаѣ, эти творческія энергіи радикально пресѣчены революціей, которая питается изъ совершенно другого источника: изъ нигилизма народныхъ массъ. Германія до великой войны несла на своихъ плечахъ огромную культурную тяжесть, превышающую ношу любой другой страны. Ея пораженіе подкосило вѣру въ себя и изсушило источники творческихъ силъ. Нацистская революція была революціей безсилія и отчаянія; ея горячечный характеръ всего рѣзче выраженъ. Наконецъ, въ Италіи и культурный динамизмъ до войны и революціонный жаръ менѣе значительны, хотя и несомнѣны.

Въ дѣйствительности, то, что объединяетъ три великихъ и несчастныхъ народа, это катастрофа объективныхъ или субъективныхъ (Италіи) пораженій. Они не вынесли напряженія и разочарованія войны, — не вынесли, и сложились. Отчаяніе сдѣлало ихъ воспримчивыми къ самоубійственнымъ ядамъ культуры, которые могли сойти за ея послѣднія слова. Отсюда кажущійся модернизмъ ихъ. Подлинно новое слово ими не сказано. Оно еще дремлетъ, — но не тамъ, а въ лонѣ демократій, съ трудомъ различимое въ хаосѣ противорѣчивыхъ звуковъ

**

Вотъ грубая схема міровой ситуаціи, духовно-политическая карта воюющей Европы, по степени огрубленія походящая на

печатающіяся въ газетахъ картографическія клише. Я не стремился къ безстрастной объективности. Въ настоящий моментъ высказываніе само есть актъ борьбы. Мы должны оборонять линію фронта, за которой находится все то, ради чего еще стоитъ жить. Наносить удары врагу, въ такихъ условіяхъ, и необходимость и радость. Я хотѣлъ лишь напугать не слабыхъ, а сильныхъ мѣста для удара и не бить холостыми зарядами. Конечно, возмутительная краткость этихъ строкъ создаетъ мнимое впечатлѣніе легкости и обороны и нападенія. Въ дѣйствительности, даже духовная борьба гораздо тяжелѣе, чѣмъ это можетъ показаться. Я умышленно выпустилъ для насъ, русскихъ, самую главную трудность въ борьбѣ: особенности духовнаго и военнаго положенія Россіи. Какъ бы мы ни болѣли за Россію, то, что рѣшается сейчасъ въ мірѣ, по своему значенію и своимъ послѣдствіямъ далеко превосходитъ собою важность того, что можетъ случиться съ однимъ народомъ, даже если это нашъ народъ. Спасеніе или гибель сейчасъ возможны для всѣхъ, а не въ одиночку. Россія спасется, если спасется культурное человечество.

Что ожидаетъ насъ всѣхъ въ случаѣ побѣды тоталитарныхъ силъ, это ясно, хотя и трудно вообразимо. Это конецъ всего. Фашистско-коммунистическая революція повсемѣстно въ Европѣ и медленное умираніе въ безчеловѣчной деспотіи. Побѣда демократіи сама по себѣ не рѣшаетъ никакихъ проблемъ, приведшихъ къ войнѣ и революціи, но она означаетъ возможность ихъ рѣшенія. Не спасеніе, а шансъ на спасеніе. Рѣшаетъ, — въ той мѣрѣ, въ какой спасеніе зависитъ отъ человѣка, — духовное напряженіе, сосредоточенность «доброй воли». Демократіи не святыхъ, а очень грѣшныхъ. Но онѣ несутъ въ себѣ, какъ беременная женщина, новую жизнь. Поэтому и ихъ собственная жизнь священна.

Въ этой борьбѣ по существу не можетъ быть нейтральныхъ — развѣ только не рѣшившіе, не нашедшіе себя. По существу же не можетъ быть и половинчататаго исхода. Слишкомъ велико противостояніе духовныхъ міровъ, которые стоятъ за линіями фронта. И еще: такъ какъ война ведется не за интересы, а за святыхъ (война за вѣру), то въ ней не можетъ быть и тыла. Исходъ зависитъ отъ состоянія сознанія, отъ разума и воли каждаго изъ насъ. Милліоны человѣческихъ волей вступили въ борьбу — не другъ съ другомъ, а противъ враждебнаго образа міра. Въ такой войнѣ, при всемъ значеніи техники и числа, лишь духовно сильнѣйшему принадлежитъ побѣда.

Г. Федотовъ.